

Акшин Гусейнли

Принцы и неудачники

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Акшин Гусейнли

Принцы и неудачники

«Автор»

2026

Гусейнли А.

Принцы и неудачники / А. Гусейнли — «Автор», 2026

В шесть лет Дарья помолилась бабушкиной иконке Николая Чудотворца и попросила, чтобы принц умер. Все принцы. Навсегда. Чтобы ни один. В двадцать два она вышла замуж за Всеволода — три высших образования, белый «Ягуар», квартира с лепниной, сто отжиманий на завтрак. Через полтора года Всеволод погиб в автокатастрофе. В двадцать три с половиной она вышла замуж за Дмитрия — доля в фирме, «Мерседес», MBA в Лондоне, громкий смех. Через год Дмитрий погиб на охоте от случайного выстрела друга. Два принца. Два трупа. Одна детская молитва, которая, кажется, работает. И она встречает Матвея. В дырявом свитере. В шапке в помещении. С рыжим толстым котом по имени Пельмень. Ироничный роман о том, как перестать искать сказку и начать жить. О детских травмах, которые управляют нашим выбором. О маминых списках идеального зятя. О лузерстве как форме свободы. О том, что счастье — это не замок и не башня, а диван из ИКЕА, немного шатающийся, но на котором можно лежать.

© Гусейнли А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

предисловие:	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Акшин Гусейнли

Принцы и неудачники

предисловие:

Это ироничная, умная и пронзительная история о взрослении, выборе и женской независимости. Главная героиня — Дарья — с детства слышала, что её счастье зависит от «прекрасного принца». Но жизнь решает иначе: вместо сказки она получает серию испытаний, где каждый «принц» становится зеркалом её собственных страхов, надежд и силы.

Книга сочетает тонкий юмор, философию повседневности и эмоциональную глубину — от детских колыбельных до зрелых размышлений о любви, свободе и смысле жизни. Это роман о том, как перестать ждать спасения и научиться спасать себя.

Часть ПЕРВАЯ. ДАРЬЯ

Глава 1. Колыбельная с летальным исходом

Когда я была маленькой девочкой и моя мама укладывала меня спать, одним из её аргументов в пользу крепкого и здорового сна было обязательное появление прекрасного принца на белом коне под алыми парусами. Она подробно описывала, какой он добрый, хороший, воспитанный и красивый мальчик и с каким удовольствием он увезёт меня в свою волшебную страну на этом своём коне.

Лошадей я боюсь. Принцы никогда не внушали мне доверия.

От таких характеристик мне становилось тошно и невыносимо тоскливо. Представьте: тебе шесть лет, ты только что посмотрела мультик про Карлсона, который, между прочим, живёт на крыше и жрёт варенье банками, и тут мама, вместо того чтобы рассказать про этого восхитительного толстого мужика с пропеллером, начинает: «А вот, Дашенька, заснёшь — и приедет принц. На белом коне. В бархатном камзоле. С алыми парусами на заднем плане. И будет он тебя любить, и холить, и лелеять, и увезёт в свой замок, где ты будешь сидеть в башне и вышивать крестиком до скончания веков».

Я не хотела вышивать крестиком. Я хотела варенье. На крыше. С пропеллером.

И после таких колыбельных я, обливаясь слезами, шептала в подушку: «Не хочу принца, не хочу принца...» И, естественно, старалась как можно дольше не засыпать, чтобы он не приснился мне. Потому что если приснится — значит, придёт. А если придёт — значит, заберёт. А если заберёт — значит, башня, крестик, камзол и белый конь в прихожей, который, между прочим, гадит.

Однажды, когда страх перед прекрасным воспитанным занудой превзошёл все грани добра и зла, я стащила с комода бабушкину иконку Николы Чудотворца, прижала её к груди, зажмурилась и прошептала: — Боженька, сделай так, чтобы принц умер!..

Потом подумала и добавила, для надёжности:

— Все принцы. Навсегда. Чтобы вообще. Чтобы ни один. Чтобы даже на горизонте. Чтобы ни на белом коне, ни на красном, ни на каком. Чтобы алые паруса — и сразу ко дну. Чтобы замок — и сразу рухнул. Чтобы камзол — и сразу мошь сожрала. Аминь.

Бабушкина иконка смотрела на меня с укоризной. Николай Чудотворец, казалось, хотел сказать: «Девочка, ты уверена? Может, лучше попросить велосипед?»

Но я была уверена. Мне было шесть с половиной, и я знала, чего хочу. А точнее — чего не хочу.

Мама, заглянувшая в комнату проверить, сплю ли я, застала следующую картину: её дочь, в пижаме с зайчиками, стоит на коленях перед кроватью, прижимает к себе икону и бормочет что-то про смерть принцев. Мама побледнела, перекрестилась (что для атеистки с партбилетом в прошлом было, мягко говоря, нетипично), отобрала иконку и сказала:

— Дарья, немедленно в кровать. И чтобы мне больше никаких разговоров с Николаем. Он, между прочим, занят.

— Чем? — спросила я.

— Чудесами, — отрезала мама. — А ты ему мешаешь.

Я легла. Принц не приснился. Ни в ту ночь, ни в следующую. Я решила, что Николай Чудотворец принял заявку в обработку.

Я ошибалась. Он просто поставил меня в очередь.

Глава 2. Мама знает лучше

Моя мама, Галина Петровна, была женщиной, которая знала, как надо. Как надо одеваться (скромно, но со вкусом), как надо есть (суп на обед обязательно, иначе язва), как надо выходить замуж (за обеспеченного, воспитанного, с высшим образованием и желательно с квартирой в центре) и как надо жить (по плану, по расписанию, по линейке, чтобы ни-ни).

Папа ушёл, когда мне было четыре. Не к другой женщине — нет, это было бы слишком банально для Галины Петровны. Он ушёл в гараж. Навсегда. То есть буквально: собрал вещи, сказал «Галочка, я не могу больше» и переехал в кооперативный гараж на окраине, где, по слухам, жил среди запчастей от «Жигулей» и пил портвейн с такими же гаражными отшельниками. Мама не простила. Не гараж — а то, что он не был принцем.

— Твой отец, — говаривала она, помешивая борщ с такой яростью, будто свёкла была лично виновата в её личной жизни, — был хорошим человеком. Но хорошим человеком, Дашенька, сыт не будешь. Хороший человек — это не профессия. Это диагноз.

Я не спорила. В шесть лет не спорят с женщиной, которая держит в руках половник и смотрит на тебя так, будто ты — недорезанный лук.

После папы-гаражника мама решила, что следующий мужчина в её жизни будет принцем. Не для себя — для меня. Она как-то сразу перенесла все свои нереализованные амбиции на дочь, и я стала её проектом. Её бизнес-планом. Её стартапом.

— Дашенька, — говорила она, когда мне было двенадцать, — ты должна хорошо учиться.

— Зачем?

— Чтобы поступить в хороший вуз.

— Зачем?

— Чтобы получить хорошую профессию.

— Зачем?

— Чтобы встретить хорошего мужчину.

— А потом?

— А потом он будет тебя обеспечивать.

— А я?

— А ты будешь ему благодарна.

Логика была железная. Неоспоримая. Как советский ГОСТ. Я пыталась возразить, что, может быть, я хочу быть космонавтом, или ветеринаром, или хотя бы тем мужиком, который в переходе играет на баяне и выглядит совершенно счастливым, но мама смотрела на меня так, будто я предложила выйти замуж за баян.

— Космонавты, Дарья, не женятся. Они женятся на космосе. А тебе нужен мужчина с квартирой.

К шестнадцати годам я выучила наизусть список требований Галины Петровны к идеальному зятю:

1. Высшее образование (желательно два).
2. Стабильная работа (желательно своя фирма).
3. Квартира (желательно в центре, желательно не однокомнатная).
4. Машина (желательно иномарка, желательно не старше трёх лет).
5. Отсутствие вредных привычек (алкоголь — только по праздникам, курение — ни-ни).
6. Хорошая наследственность (чтобы дети были здоровые и красивые).
7. Воспитание (чтобы «здравствуйте», «спасибо», «пожалуйста» и «разрешите вашу ручку»).
8. Возраст (не старше тридцати пяти, не младше двадцати пяти).
9. Рост (не ниже ста восьмидесяти).
10. Отсутствие бывших жён и детей от предыдущих браков.

Пункт десятый мама добавила, когда мне было восемнадцать, после того как её подруга Тамара Ивановна рассказала, что её дочь вышла за разведённого мужчину с ребёнком и теперь вынуждена воспитывать чужого отпрыска.

— Чужой ребёнок, Дарья, — это мина замедленного действия. Сегодня он милый, а завтра скажет: «Ты мне не мать». И будет прав.

Я кивала. Я всегда кивала. Потому что спорить с Галиной Петровной — это как спорить с бетоном. Бетон не слышит. Бетон давит.

Глава 3. Принц номер один. Всеволод

Мне было двадцать два, когда я встретила Всеволода.

Нет, не так. Меня познакомили со Всеволодом. Разница принципиальная. Встречают — это когда случайно, в метро, в очереди за молоком, на концерте какой-нибудь никому не известной группы. А знакомят — это когда мама говорит: «Дашенька, в субботу к нам придёт Всеволод. Надень то синее платье. И причешись. И не сиди с телефоном. И улыбайся. И не говори про своих тараканов».

У меня были тараканы. Не метафорические — настоящие. На кухне. Я их изучала. У меня был блокнот, где я записывала их маршруты, привычки и, как мне казалось, характеры. Одного я назвала Борисом, потому что он был толстый и медлительный. Другого — Иннокентием, потому что он был тонкий, нервный и постоянно куда-то бежал. Мама считала это увлечение признаком начинающегося психического расстройства. Я считала это наукой.

Всеволод пришёл в субботу. В костюме. При галстук. С букетом лилий (я ненавижу лилии, они пахнут похоронами) и бутылкой коньяка «Хеннесси» (мама одобрила). Он был высокий (сто восемьдесят три, я потом измерила), красивый (в том смысле, в каком красивы манекены в витринах — правильно, симметрично и абсолютно бессмысленно) и улыбался так, будто у него во рту был спрятан маленький прожектор.

— Дарья, — сказал он, целуя мне руку. — Очень рад. Мама столько о вас рассказывала.

— Мама? — переспросила я.

— Галина Петровна. Мы познакомились на благотворительном вечере. Она мне сразу сказала: «У меня дочь. Двадцать два года. Не замужем. Тараканы».

— Она сказала про тараканов?

— Она сказала: «Не обращайтесь внимания на тараканов. Это фаза».

Я посмотрела на маму. Мама улыбалась. Той самой улыбкой, которой улыбаются сапёры, когда перерезают правильный провод.

Всеволод оказался принцем. Не метафорическим — настоящим. То есть не то чтобы у него была корона и замок. Но у него было:

а) Три высших образования (экономическое, юридическое и, зачем-то, искусствоведческое).

б) Своя фирма (что-то с логистикой, я так и не поняла что).

в) Квартира в центре (четыре комнаты, вид на реку, паркет, лепнина).

г) Белый «Ягуар» (именно белый, именно «Ягуар», именно в подземном паркинге).

д) Отсутствие вредных привычек (он даже кофе пил без сахара, потому что «сахар — это медленный яд»).

е) Воспитание (он говорил «будьте любезны» даже когда просил передать соль).

ж) Рост сто восемьдесят три.

з) Отсутствие бывших жён.

Мама была в экстазе. Она ходила по квартире и бормотала: «Ну наконец-то. Ну слава богу. Ну я же говорила. Ну Дашенька, ну умница».

Я не была умницей. Я была в шоке. Всеволод сидел на моей кухне, пил чай без сахара (мамин чай, с бергамотом, который он назвал «весьма достойным»), и рассказывал о своём последнем путешествии в Тоскану. Он говорил правильно. Грамматически безупречно. С расстановкой. С паузами. С интонациями диктора центрального телевидения.

— В Тоскане, — вещал он, отставив чашку мизинцем, — я посетил три винодельни, две картинные галереи и одну сыроварню. Особенно впечатлила сыроварня. Знаете, Дарья, настоящий пармезан выдерживается не менее двадцати четырёх месяцев. Это целая философия.

Я не знала. Я знала, что настоящий пармезан в моём холодильнике лежит уже три месяца и покрылся плесенью, которую я, в рамках научного эксперимента, посадила Борису. Борис плесень не оценил.

— Всеволод, — сказала я. — А вы боитесь лошадей?

Он моргнул.

— Простите?

— Лошадей. Коней. Кобыл. Ну, тех, на которых ездят.

— Я... не задумывался. Полагаю, нет. А почему вы спрашиваете?

— Просто проверяю.

Мама под столом пнула меня ногой.

Мы поженились через четыре месяца. Мама организовала свадьбу на сто двадцать человек, с тамадой, с конкурсами, с голубями и с тем самым тортом в пять ярусов, который потом никто не ел, потому что он был из мастики и на вкус напоминал подошву. Всеволод был безупречен. Он танцевал с моей бабушкой, говорил тосты на трёх языках и ни разу не наступил мне на ногу. Ни на свадьбе. Ни потом.

Потом была жизнь. Жизнь с принцем.

Утро начиналось в шесть тридцать. Всеволод вставал, делал сто отжиманий (я считала, лёжа в кровати и ненавидя каждый его вдох), принимал контрастный душ, выпивал стакан воды с лимоном и шёл на кухню готовить себе овсянку. Овсянку он варил на миндальном молоке, с семенами чиа и ягодами годжи. Я в это время ела бутерброд с колбасой и смотрела в стену.

— Дарья, — говорил он, ставя перед собой миску с чем-то зелёным и склизким, — тебе тоже полезно было бы перейти на правильное питание.

— Мне полезно было бы перейти на тишину, — отвечала я.

Он улыбался. Той самой улыбкой-прожектором. И шёл на работу. В свой офис. В своём «Ягуаре». В своём костюме от Хуго Босс. С галстуком, который я выбирала ему по субботам, потому что он, оказывается, не умел сочетать цвета. «У меня, — говорил он, — аналитический склад ума. Я вижу цифры, а не оттенки».

Вечером он возвращался. В семь. Минута в минуту. Садился за стол. Ел то, что я готовила (или не ел, если это было не по его диете). Рассказывал о работе. Спрашивал, как мой день. Я говорила: «Нормально». Он говорил: «Это прекрасно». И мы шли спать. В десять. Потому что в десять — отбой. Сон должен быть не менее восьми часов.

— Всеволод, — сказала я однажды, в три часа ночи, глядя в потолок. — А ты когда-нибудь делал что-нибудь бессмысленное?

Он повернулся. В темноте его глаза блестели.

— В каком смысле?

— Ну, не знаю. Прыгал в лужу. Ел торт руками. Пел в душе фальшиво. Ходил босиком по грязи.

Пауза.

— Дарья, я не совсем понимаю цель этого разговора.

— Цели нет. В этом и смысл.

Он помолчал. Потом сказал:

— В детстве я один раз съел снег. Жёлтый.

— И?

— И у меня было расстройство желудка три дня. Мама была очень недовольна. С тех пор я не ем снег.

Я повернулась на другой бок. Принц спал. Ровно. Размеренно. Как метроном. Как часы. Как приговор.

Он умер через полтора года.

Нет, не так. Он *погиб*. В автокатастрофе. Белый «Ягуар», мокрая дорога, фура на встречной. Всё мгновенно. Без мучений, сказали врачи. Без мучений. Как будто это имеет значение. Как будто если бы он мучился, мне было бы легче.

Мама плакала. Я нет. Я стояла на похоронах в чёрном платье и думала: «А ведь я не плакала ни разу за полтора года брака. И сейчас не плачу. Что со мной не так?»

Со мной было всё так. Просто я не любила Всеволода. Я вышла за него, потому что мама сказала. Потому что он соответствовал списку. Потому что он был принцем. А принцев я не хотела. Никогда. С шести лет.

Но я не думала, что моя детская молитва работает. Не тогда. Тогда я думала: совпадение. Статистика. Дороги у нас такие. Фуры. Дождь. Бывает. Бывает.

Глава 4. Принц номер два. Дмитрий

Прошло два года. Мне было двадцать три с половиной. Мама, оправившись от траура (который она соблюдала ровно шесть месяцев, ни днём больше, ни днём меньше, потому что «Галина Петровна не из тех, кто киснет»), начала новую кампанию.

— Дашенька, тебе двадцать три.

— Я знаю.

— Через два года тебе двадцать пять.

— Я умею считать.

— В двадцать пять женщины начинают... увядать.

— Мама.

— Я не говорю, что ты увянешь! Я говорю, что *начнут*. Процесс. Понимаешь? А ты должна быть *до*.

— До чего?

— До того, как он поймёт, что ты не первая свежесть.

Я не стала спрашивать, кто «он», потому что «он» ещё не существовал. Но мама уже его придумала. Слепила. Выточила. Как Пигмалион, только вместо статуи — живой мужчина с квартирой в центре.

Дмитрий появился через три месяца. Он был не совсем принц. То есть он был принц, но с оговорками. У него была не своя фирма, а доля в фирме. Не «Ягуар», а «Мерседес». Не четыре комнаты, а три. Не три образования, а одно (но зато МБА в Лондоне). Мама скрежетала зубами, но согласилась. «Ладно, — сказала она. — Не идеал. Но приемлемо».

Дмитрий был другим. Не таким правильным, как Всеволод. Он смеялся громко. Пил виски. Матерился (редко, но метко). Однажды на нашей первой встрече он сказал: «Блин,

Даша, у тебя такие глаза, как у той собаки из мультика. Ну, которая грустная. Как её... Гав? Нет. Не Гав. Та, вторая. Ну, короче, грустная собака».

Я не обиделась. Я даже улыбнулась. Потому что это было... не по списку. Не «вы прекрасны, Дарья». А «глаза как у грустной собаки». Живое. Человеческое.

Но потом выяснилось, что Дмитрий — это тот же Всеволод, только без галстука. Та же потребность контролировать. Та же уверенность, что он знает лучше. Та же снисходительная улыбка, когда я говорила что-то, по его мнению, глупое.

— Даша, — говорил он, — ты опять не так паркуешься.

— Я паркуюсь нормально.

— Ты паркуешься криво.

— Мне нравится криво.

— Криво — это неправильно.

— А кто решает, что правильно?

— Я. Потому что у меня водительский стаж двенадцать лет.

— А у меня — глаза на затылке.

Он не смеялся. Никогда не смеялся над моими шутками. Улыбался — да. Снисходительно. Как учитель, которому ученица рассказала анекдот про Штирлица.

Мы поженились через пять месяцев. Свадьба была скромнее — восемьдесят человек, без голубей, но с тем же тамадой (мама сказала: «Он проверенный»). Дмитрий подарил мне кольцо с бриллиантом. Я сказала: «Спасибо». Он сказал: «Носи на здоровье». И я носила. На здоровье.

Он умер через год.

Не в автокатастрофе. На охоте. Ружьё. Друг. «Несчастный случай», сказали в полиции. «Ствол был направлен в сторону Дмитрия, когда произошёл случайный выстрел». Друг плакал. Говорил, что не хотел. Говорил, что они были лучшие друзья. Говорил, что не понимает, как так получилось.

Я стояла на похоронах. В чёрном платье. Опять. И опять не плакала. И опять думала: «Что со мной не так?»

А потом, на поминках, когда все уже выпили и начали говорить тосты («За Дмитрия! Светлая память! Царствие небесное!»), я сидела в углу, ела холодец и думала:

«Два. Два принца. Два трупа. Полтора года и один год. Белый конь и ружьё. Фура и друг. Случайность?»

А потом я вспомнила. Шестилетнюю себя. Пижама с зайчиками. Бабушкина иконка. Шёпот в подушку: «Боженька, сделай так, чтобы принц умер!»

И добавка: «Все принцы. Навсегда. Чтобы ни один».

Холодец встал комом в горле.

Глава 5. Теория заговора имени Николы Чудотворца

После вторых похорон я не пошла домой. Я пошла к Наде.

Надя — это моя лучшая подруга. Единственная. Не потому что я такая избирательная, а потому что я такая невыносимая. Надя терпит. Надя — это та подруга, которая в три часа ночи ответит на звонок, выслушает, скажет «ты долбанутая» и нальёт тебе чаю. Или водки. Зависит от градуса долбанутости.

В тот вечер градус был высокий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.